

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Комета

И вот, на небе появилась комета, ядро её сияло, хвост грозил розгой. На нее смотрели и из богатых замков, и из бедных домов, глазели и целые толпы, устремлял взор и одинокий путник, проходивший по безлюдной степи, и каждый при этом думал своё.

– Идите посмотреть на небесное знамение! Какое великолепие! – сказал кто-то, и все повысыпали из дома смотреть на комету.

Но в одной горнице ещё остались двое: маленький мальчик с матерью. На столе горела сальная свечка, и мать увидела, что на фитиле образовался нагар в виде стружки, а это означало, по народному поверью, скорую смерть мальчика, – стружка, ведь, наклонилась в его сторону.

Мать верила в эту старинную примету. Но мальчику суждено было прожить на земле долгие годы и увидеть комету во второй раз, более шестидесяти лет спустя.

Мальчик не замечал нагара на свечке, не думал о комете, появившейся при нём впервые. Перед ним стояло на столе склеенное блюдечко с мыльной водой, он погружал в неё маленькую глиняную трубочку, брал в рот другой конец её и пускал мыльные пузыри – и большие, и маленькие. Они колебались и переливались всеми цветами радуги, из жёлтых становились красными, из лиловых голубыми, а потом вдруг окрашивались в ярко-зелёный цвет листьев, залитых в лесу лучами солнышка.

– Дай Бог прожить тебе столько лет, сколько пустишь пузырей! – сказала мать.

– Ох, как много! – воскликнул мальчик! – Этой мыльной воды хватит на век!

И он продолжал выпускать пузырь за пузырём.

– Вот летит год! Вот ещё! Гляди, как они летят! – приговаривал он. Два пузыря влетели ему прямо в глаза; как их зашипало, закусало, – до слёз! И в каждом пузыре мальчик видел блестящую, ослепительную картину будущего.

– Вот когда её отлично видно! – кричали, между тем, соседи. – Идите же смотреть комету! Что вы засели там!

Мать взяла мальчика за руку; пришлось ему положить трубочку, расстаться со своею игрою, – надо было посмотреть на комету.

И мальчуган смотрел на её сияющее ядро и на блестящий хвост. Кто говорил, что он длиною в три аршина, кто – что он не меньше трёх миллиардов. Всякий, ведь, мерит на свой аршин.

– И дети, и внуки наши успеют умереть, прежде чем она появится на небе опять! – толковали люди.

Большинства из них и действительно уже не было в живых, когда она появилась вторично, но мальчик, которому нагар на свечке предвещал, по мнению матери, близкую смерть, был ещё жив, хотя и очень стар, весь седой. «Седые волосы – цветы старости!» – гласит поговорка, и у него была полная голова этих цветов. Он уж был старым школьным учителем.

Школьники говорили, что он страсть какой умный и учёный, знает и историю, и географию, и всё, что только можно знать о телах небесных.

– Всё повторяется! – говаривал он. – Только примечайте хорошенько лица и события и увидите, что они постоянно повторяются, возвращаются обратно, только в иных костюмах, в иных странах.

И школьный учитель указывал на историю о Вильгельме Телле, которому пришлось стрелять в яблоко, положенное на голову его собственного сына. Прежде, чем выстрелить, он припрятал за пазуху другую стрелу для злого Геслера. Происходило это в Швейцарии, но за много лет до этого, то же самое случилось в Дании. Пальнатоку^[1] тоже пришлось стрелять в яблоко, положенное на голову его сына, и он тоже спрятал за пазуху другую стрелу, чтобы отомстить за себя. А больше, чем за тысячу лет до того – читаем мы в старинных рукописях – происходила такая же история в Египте! Да и события и лица повторяются, возвращаются, как кометы.

И он начинал рассказывать об ожидаемой комете, которую уже видел однажды в своём раннем детстве. Школьный учитель много знал о небесных телах, много думал о них, но не забывал оттого

ни истории, ни географии.

Сад свой он разбил в виде карты Дании. Каждая часть, каждая провинция изображалась цветами и растениями, которые были ей наиболее свойственны.

– Ну-ка, достаньте мне гороха! – говорил он, и ученики направлялись к грядке, представлявшей Лолланд. – Достаньте мне гречихи! – и те шли к Лангеланду. Чудесные голубые горечавки можно было найти на севере, на Скагене, блестящий Христов тёрн – возле Силькеборга. Самые города изображались статуэтками. Св. Кнуд, поражающий дракона, означал город Одензе; Абсалон с епископским посохом в руке – Сорё; маленькое весельное судно – город Оргус, и так далее. Да, по саду школьного учителя можно было изучить карту Дании, но, конечно, предварительно надо было поучиться у него самого, а это было превесело!

Так вот, опять ожидали комету, и он рассказывал о ней, и о толках людских, вызванных её первым появлением, которое он так хорошо помнил.

– В год появления кометы вино бывает крепче! – говорил он. – Виноторговцы могут разбавлять его водой, – никто не заметит! Оттого-то они, как говорят, очень жалуют такие годы!

Но небо было покрыто облаками вот уже целых две недели, так что кометы не было видно, хотя она и появилась уже.

Престарелый учитель сидел в своей каморке рядом с классной комнатой. В углу стояли большие старинные борнгольмские часы, доставшиеся ему ещё от родителей. Тяжёлые свинцовые гири уже не поднимались и не опускались больше, маятник не двигался, маленькая кукушка, которая прежде выскакивала и куковала, уже много лет молчаливо сидела взаперти; всё в часах замерло, притихло, они не шли больше. Но старые клавикорды, тоже времён родителей учителя, всё ещё сохраняли в себе жизнь. Струны ещё могли звучать, правда хриловато, но всё же из них можно было извлечь мелодии целого человеческого века. И много воспоминаний будили эти мелодии в старом школьном учителе – и весёлых, и печальных. Много пережил он в этот длинный ряд годов, с тех пор, как видел комету маленьким мальчиком и до её вторичного появления на небе. Он помнил, что сказала его мать, увидя нагар на свечке, помнил чудесные мыльные пузыри, которые

пускал тогда... Каждый означал – как он говорил – год его будущей жизни, и какие они были блестящие, радужные! Они сулили ему столько чудес и радостей, детские игры, юношеские наслаждения! Весь свет лежал перед ним, озаренный лучами солнца! То были мыльные пузыри будущего! Теперь он был уже старик и извлекал из струн клавикорд мелодии прошлого – это были уже пузыри, окрашенные цветами воспоминаний. Вот раздалась песня бабушки, которую она напевала, быстро шевеля чулочными спицами.

„Вестимо уж не амазонка
Связала первый нам чулок!“

А вот песня, которую напевала ему, когда он был ребёнком, их старая служанка:

„Ах, сколько испытаний
Готовит свет тому,
Кто млад и глуп – известно
Лишь Богу одному!“

Потом раздались мелодии первого бала, менуэт, молиnasки^[2], за ними зазвучали нежные, грустные звуки, вызвавшие на глаза старика слёзы, затем раздался военный марш, затем псалмы, а там опять весёлые игривые звуки. Они сменяли друг друга, следовали один за другим, как мыльные пузыри, что он пускал мальчиком.

Он устремил взор в окно; облака, застилавшие небо, вдруг разошлись, и он увидел комету, её сияющее ядро и блестящий туманный шлейф.

Он как будто видел её в первый раз только вчера, а на самом-то деле, между этими двумя вечерами легла целая человеческая жизнь, богатая воспоминаниями! В тот вечер он был ребёнком и видел в мыльных пузырях «будущее», теперь они показывали ему «прошлое». И душа его прониклась детскою верою, глаза засияли, рука упала на клавиши... Раздался звук, словно порвалась струна! – Идите же смотреть на комету! – кричали ему соседи. – Небо чудо какое ясное! Идите, теперь её отлично видно!

Но старый школьный учитель не отвечал; он унёсся в заоблачные высоты, чтобы хорошенько поглядеть на комету! Душа его готовилась пролететь пространство, куда больше, обширнее, нежели пролетает комета. А на неё опять смотрели и из богатых замков, и из бедных домов, глазели и целые толпы, устремлял взор и одинокий путник, проходивший по безлюдной степи. На душу же учителя смотрел теперь Сам Господь и опередившие его на небе дорогие, близкие его сердцу, о которых он так тосковал на земле!

---

^[1]Сказочный датский герой. Предание о нём послужило сюжетом для известной трагедии Эленшлегера «Palnatoke».

^[2]Старинный танец.

